

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ЛИВОНСКОГО ВОПРОСА»

УДК 94(474), ББК 63.3(0)51, DOI <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2019.210>

М. Б. Бессуднова

НОВГОРОДСКАЯ КОНТОРА ГАНЗЫ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РЕВЕЛЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА*

Структурную основу Ганзейского союза, оформившуюся в XIV–XV вв., наряду со стапелями, пунктами санкционированного товарообмена, образовывали конторы, функционирование которых обеспечивалось «панцирем ганзейских привилегий» (Р. Шрангель)¹. Прерогатива пользования конторами и ганзейскими привилегиями, закреплённая за гражданами ганзейских городов, способствовала созданию

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00183.

¹ *Puhle M. Organisationsmerkmale der Hanse // Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Bd 1. 6. Aufl. Lübeck, 2006. S. 196–201.*

© М. Б. Бессуднова, 2019

комплекса правовых норм, известного как «право купцов» (*copmans rechte*), и во многом предредредила институализацию Ганзы, в частности, становление ганзейских представительных собраний (ганзетагов)². Конторы обеспечивали ганзейским купцам условия проживания за пределами империи и совершения торговых операций в рамках «права купцов», соблюдение которого воспринималось ганзейцами как залог стабильности их коммерческих связей и минимизации внешних конфликтов. В начале Нового времени под воздействием новых торговых технологий и ввиду прогрессирующего огосударствления внешней торговли Ганза настолько успешно совершенствовала свои коммерческие, правовые, фискальные и военно-политические структуры, что это заставило современных исследователей усомниться в необратимости ее кризисного состояния³.

В этом ракурсе современная историческая наука исследует тенденции и перспективы развития ганзейских контор в Лондоне, Брюгге, Бергене и конторы в Великом Новгороде, более известных как Немецкое подворье. При наличии объемной историографии⁴ фундаментальные исследования истории Немецкого подворья, как, собственно, и всей русско-ганзейской торговли, в настоящее время отсутствуют⁵. Мало изучена ганзейская документация, прежде всего, рукописные источники XVI–XVII вв. из архивов ганзейских городов, не представленные в известных серийных публикациях⁶; к тому же история Немецкого подворья изучается зачастую в отрыве от общеганзейского контекста, известного благодаря наработкам современной зарубежной ганзеатики. Между тем, нововременной пласт этой истории особо интересен ввиду упомянутых выше общеганзейских перестроечных тенденций и перспектив существования новгородской конторы Ганзы за рамками Средневековья. Известно, что в 1494 г. Немецкое подворье было закрыто Иваном III, что положило начало затяжному кризису русско-ганзейской торговли, продолжавшемуся до подписания торгового мира 1509 г. и возрождения Немецкого подворья в Новгороде в 1514 г.⁷

Согласно устоявшемуся мнению, деятельность подворья после 1514 г. стала много скромнее⁸, что подтверждается многочисленными упоминаниями об его удручающем

---

² *Jahnke C.* Die Hanse. Überlegungen zur Entwicklung des Hansebegriffes und der Hanse als Institution resp. Organisation // *Hansischer Geschichtsblätter* (далее — HGBll). 2013. Bd 131. S. 27–28.

³ Niedergang oder Übergang?: zur Spätzeit der Hanse im 16. und 17. Jahrhundert. Köln, 1998. См. также: *Selzer S.* Zweifache Wachstumschancen: Hansische Ökonomie im 16. Jahrhundert und ihre Erforschung // *Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert*. Trier, 2016 S. 1–10.

⁴ Историографический очерк см.: *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009.

⁵ *Angermann N.* Deutsche Kaufleute in Novgorod im 16. und 17. Jahrhundert // *Novgorod – Markt und Kontor der Hanse*. Köln, 2002. S. 97–115.

⁶ Собрание ганзейской документации *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage* (далее — HR) доведено до начала 1538 г., а *Hansisches Urkundenbuch* завершается 1500 г. Собрание документов по истории Ливонии *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch* освещают период с XIII в. до 1510 г. Публикация рецессов ливонских ландтагов *Akten und Recesse der livländischen Ständetage* завершается 1535 г.

⁷ *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 293–315. — В дальнейшем соглашения подтверждались русско-ганзейскими договорами 1521, 1531, 1550 и 1554 гг. (*Russisch-livländische Urkunden*. SPb., 1868. № 369 (1521), № 377a (1531)).

⁸ *Angermann N., Endeil U.* Die Partnerschaft mit der Hanse // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. 11.–17. Jahrhundert. München, 1989. S. 87.

состоянии в ганзейской документации первой половины XVI в.⁹ Существует мнение, что Ивану III не было надобности закрывать подворье, поскольку оно и без этого теряло свое значение по причине перемещения русско-ганзейской торговли в города Ливонии и Псков¹⁰. С другой стороны, неоправданными тогда выглядят усилия ганзейцев по восстановлению и сохранению новгородской конторы¹¹, которые в отсутствие других вариантов принято объяснять вопросами престижа¹² или опасением конкуренции¹³. По мнению Э. Тиберга, положение Немецкого подворья серьезно осложнилось лишь к началу 1540-х гг. вследствие учреждения в 1539 г. запрета на «гостевую торговлю» («гость да не торгует с гостем») в городах Ливонии¹⁴. Механическое проецирование этой ситуации на ранний период вряд ли может считаться корректным, а потому имеет смысл обратиться к реалиям жизни новгородского Немецкого подворья после его восстановления в 1514 г. и до конца 1530-х гг.

Немецкое подворье в Новгороде было обособленной институцией, но функционировало в слаженной системе взаимоотношений трех ганзейских анклавов — ливонские города Рига, Ревель (Таллинн) и Дерпт (Тарту) обеспечивали циркуляцию ганзейских и русских товаров между заморскими городами Ганзы и Северо-Западной Русью¹⁵; Данциг (Гданьск) как глава прусской «трети», судя по ситуации конца XV в.¹⁶, предоставлял ганзейцам обходные пути на русский рынок в условиях обострения русско-ливонских отношений; вендские «морские» («заморские») города (*civitates*

⁹ *Hildebrand H.* Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // *Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie des sciences.* SPb., 1865. Vol. 4. № 527. Sp. 362; *Akten und Rezesse der livländischen Ständetage* / Hg. v. L. Arbusow. Riga, 1910. Bd 3. № 237. § 39 (1521), № 248. § 19 (1527), № 321. § 20 (1533), № 239. § 8 (1534).

¹⁰ *Angermann N.* Deutsche Kaufleute in Novgorod... S. 104.

¹¹ В 1507 г. Любекский ганзетаг принял решение от имени всех ганзейских городов ходатайствовать перед московским государем о открытии Немецкого подворья (Schäfer, Dietrich et al. (eds). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage.* Abt. 3. München [u. a.]: Dunker & Humblot Verlag, 1894–1913 (далее — HR 3). Bd 6. № 705; Bd 7. № 54, 58; Bd 8. № 127). Постановления о его сохранении постоянно встречаются в рецессах ганзетагов первой трети XVI в. (HR 3. Bd 5. № 105. § 117 (1506), № 243. § 3 (1507), № 402. § 5 (1509), № 470. § 79 (1.08.1509); Bd 6. № 188. § 60 (1511); Bd 7. № 39. § 151 (1517), № 56. § 2 (1518), № 197. § 42 (1519), № 413. § 51 (1521); Bd 9. № 131, § 25–27 (1525); Friedland, Klaus; Wentz, Gottfried (eds). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage.* Abt. 4. Bd 2. Köln [u. a.]: Böhlau Publ., 1970. (далее — HR 4). Bd 1. № 56. § 248 (1530); Bd 2. № 2 (1535)).

¹² *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 82.

¹³ *Angermann N.* Deutsche Kaufleute in Novgorod... S. 104–105.

¹⁴ В 1541 г. Немецкое подворье сторело, возможно, по вине новгородцев; на тот момент там находилось всего два купца и два языковых ученика (Акты Ревельского городского архива 1450–1610 годов // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* 1898. Кн. 4. № 5). В 1544 г. все ганзейцы покинули подворье (*Hildebrand H.* Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv... Sp. 376). См. также: *Tiberg E.* Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487–1550. Stockholm, 1995. P. 210–228.

¹⁵ *Angermann N.* Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft // *HGBll.* 1995. Bd 113. S. 119–121.

¹⁶ *Бессуднова М. Б.* Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж, 2016. С. 237–238.

maritimae, seestede, oversehsche stede) во главе с Любеком направляли «русские» грузопотоки внутри всего ганзейского массива. Все они питали живой интерес к новгородскому рынку и стремились оптимизировать баланс между своими бонусами от русских привилегий и расходами по их сохранению.

При всем том основным источником информации о делах Немецкого подворья является Ревель, известный с XIV в. статусом «новгородского стапеля», который с 1442 г. вместе с Дерптом формировал администрацию подворья, курировал ее деятельность, посредничал в общении его обитателей с ганзейским руководством в Любеке¹⁷. Архив Немецкого подворья, как и архив Дерпта, не сохранился, и потому источники по истории Немецкого подворья в массе своей происходят из Ревельского (Таллиннского) городского архива. Более того: известия, полученные из Ревеля, определяли логику подходов к проблемам подворья граждан Любека и других ганзейских городов, зафиксированную в рецессах (протоколах) ганзетагов¹⁸. В связи с этим суждения историков о Немецком подворье покоятся, в основном, на свидетельствах ревельцев и соответствуют ревельским дискурсивным установкам, объективность которых подлежит выяснению.

В деле восстановления Немецкого подворья 1509–1514 гг. Ревель проявил повышенную активность, понятную с учетом его статуса «новгородского стапеля», обилия ревельских бюргеров, подвизавшихся на подворье, и опасений конкуренции¹⁹, но оно фигурировало как предмет забот и других городов. На ганзетаге 1506 г. ратманы Бремена, выражая мнение городов «по сю сторону Эльбы», указали, что «будет справедливым, если ливонские и прусские города потрудятся много больше <...>, потому что от новгородской конторы они имеют больше выгод для своей торговли, чем прочие города»²⁰. Действительно, участием конторы немало интересовался Данциг. На ганзетаге 1507 г. его делегаты должны были «прилежнейшим образом» ее восстановить, обновить, вернуть ей привилегии и старинную юрисдикцию, поскольку «из конторы в Новгороде поддерживается контора в Брюгге»²¹, с которой Данциг был тесно связан²². В 1511 г. Данциг выразил готовность организовать посольство в Москву по вопросам подворья на условиях провозглашения польского короля «защитником» (*beschermer*) Ганзы, поскольку «он много делает для новгородской конторы»²³. Ливонским городам, на которых возлагалась основная ответственность за ведение переговоров по возрождению подворья, Данциг соглашался помогать, если те прекратят торговать с русскими, ибо «поощрением русских привозить в [ливонские] города свои товары, их продажей и совершением иной торговли восстановления конторы не добиться»²⁴.

---

¹⁷ Flöttmann A. Der revaler Rußhandel von 1509 bis 1558 // Deutschland-Livland-Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988. S. 111–136.

¹⁸ Из рецессов ганзетага 1530 г.: «В письмах Ревеля по [новгородской] конторе много разумного» (HR 4. Bd 1. № 588. § 248).

¹⁹ Angermann N. Deutsche Kaufleute in Novgorod... S. 104.

²⁰ HR 3. Bd 5. № 183.

²¹ HR 3. Bd 5. № 245. § 18, 19.

²² Samsonowicz H. Die wirtschaftlichen und politischen Beziehungen zwischen zwischen Flandern, Polen und Preußen // Hansekaufleute in Brügge. Bd 4: Beiträge der Internationalen Tagung in Brügge April 1996. Frankfurt a. M. [u. a.], 2000. S. 309–318.

²³ HR 3. Bd 6. № 192. § 2, 12, 18.

²⁴ HR 3. Bd 6. № 196. § 104.

Блокирование русской торговли в Ливонии, быстрыми темпами развивавшейся на рубеже XV–XVI вв.²⁵, направило бы русско-ганзейский грузопоток по «данцигскому каналу», тогда как провозглашение польского короля Сигизмунда I «защитником» Ганзы обеспечивало пребывавшим в его подданстве прусским городам приоритеты в торговле с Новгородом. Подобная перспектива, чреватая к тому же разрывом мирных отношений Ганзы с Россией²⁶, не могла снискать одобрения у ливонских городов. После подписания русско-ганзейского соглашения 1514 г. Ревель предложил Ганзе не распространять его действие на Данциг, Торн (Торунь) и Элибинг (Эльблонг): коль скоро их государь враждует с «Московитом», их нельзя равнять с прочими ганзейскими городами в праве торговать в Новгороде, однако если государи помирятся, «мы не станем отлучать эти города от торгового мира и они смогут пользоваться новгородским подворьем наряду с правами всех купцов»²⁷. В этой связи понятна озабоченность Ревеля близившимся завершением русско-польского конфликта и перспективой возобновления торговли прусских городов в России²⁸. Впоследствии Данциг не раз заявлял о необходимости сохранять новгородскую контору²⁹, но Ревель, преследуя ту же цель, сподвижника в нем не видел и не обращался к нему за помощью.

Отношение ливонских городов к Немецкому подворью было неоднозначным. Рига, имевшая интересы в Подвинье и землях Великого княжества Литовского, держалась в стороне от его проблем, на ганзетагах голосовала за его сохранение³⁰. Для граждан неганзейской Нарвы доступ на подворье был закрыт, участия в ганзетагах они не принимали, но использовали приграничное положение своего города для активизации своей торговли с Россией в обход ганзейского «стапельного» обычая и к неудовольствию Ревеля³¹. Дерпт преследовал свои интересы и ввел «необычные пошлины» (*unwontlyken tollen*), затруднявшие проезд купцов в Новгород³², поскольку его главным торговым партнером был Псков³³. Торговая практика ливонских городов, представлявших некую локальную общность, была, таким образом, довольно разнообразна, и намерение сохранять централизованную, «стапельную», форму русско-ганзейской торговли с новгородским Немецким подворьем в качестве

---

²⁵ Бессуднова М. Б. Специфика и динамика... С. 222–244.

²⁶ Послы ливонского магистрата Вольтера фон Плеттенберга, вернувшиеся из Москвы, сообщили, что великий князь намерен одарить своей милостью ливонские и прочие ганзейские города, с тем, однако, «чтоб они не усиливали ни деньгами, ни людьми других государей, которые являются его врагами и могут стать таковыми в будущем» (HR 3. Bd 6. № 552).

²⁷ HR 3. Bd 6. № 598.

²⁸ HR 3. Bd 6. № 598.

²⁹ HR 3. Bd 5. № 245, 252. § 70 (1507); Bd 6. № 192. § 2, № 196. § 104 (1511); Bd 7. № 56 (1518), № 413. § 52 (1521).

³⁰ Из рецессов Любекского ганзетага 1525 г.: «Рижане сказали, что делают все для поддержания [новгородской] конторы» (HR 3. Bd 9. № 131. § 39).

³¹ Кивимяэ Ю. Нарвский вопрос в 1494–1558 гг. // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Таллинн, 1978. С. 135–154.

³² Ганзетаг в Штральзунде 1515 г. обязал Дерпт отказаться от таких действий (HR 3. Bd 6. № 675. § 35).

³³ Angermann N. Zu den rechtlichen Grundlagen des Hansehandels in Pleskau // Recht und Alltag im Hanseraum. Gerhard Theuerkauf zum 60. Geburtstag / Hg. v. S. Urbanski [u. a.]. Lüneburg, 1993. S. 17–30.

главного атрибута наиболее последовательно воплощалось в жизнь только Ревелем. Ревельский магистрат осуждал свободно торгующих купцов (*vorloopenen kop, renefarer; nyen kopluden*) из опасения их утверждения в Ивангороде и предлагал восстановить Немецкое подворье в Новгороде для противодействия им³⁴.

Управление подворьем находилось в ведении Ревеля и Дерпта, которым доверялись дипломатические сношения Ганзы с Россией, подписание русско-ганзейских договоров и гарантии их соблюдения. В XVI в., однако, дела подворья потребовали большей активности со стороны Любека и вендских городов, что можно объяснить повышением статусности русско-ганзейских соглашений ввиду причастности к ним великого князя Московского и императора Священной Римской империи³⁵. Для привлечения Любека как главы (*haupt*) вендской «трети» к делам подворья у Ревеля были и другие основания. Восстановление подворья и его нормальное функционирование требовали немалых денежных вложений. Ревель использовал свои ресурсы и субсидии Дерпта в надежде на последующую компенсацию³⁶, прежде всего, в счет пунтцолля, «фунтовой пошлины» (*puntzoll, puntghelt, pecunia libralis*) с товаров и торговых кораблей, взимаемую Ганзой при экстренной необходимости³⁷. Право использовать средства от пунтцолля, введенного в 1495 г., на свои нужды ливонские города получили в 1498 г., а в 1514 г. оно стало предметом спора Ревеля и Дерпта. Поскольку дерптцы назначали хофескнехта (старосту) и священника подворья, они считали себя старшинами (*oldesten*) и претендовали на право «иметь власть производить выплаты на сооружение новгородского подворья»³⁸, однако первую, спешную («чтобы хофескнехт не замедлил приступить к действиям в виду [нашего] недоверия к великому князю»), выплату решено было произвести через Ревель ввиду большего сбора пошлины («у вас больше денег от пундцолля»); свою долю денег дерптцы дали под расписки³⁹.

Санционирование подобных субсидий производили «заморские» города, к тому не особо расположенные. Их общее недовольство соглашением 1514 г. проявилось в 1517 г., когда «новгородские гости» из Любека заявили, что-де «господа Дерпта и Ревеля совершили крестоцелование без приказа [«заморских городов»] и что без многочисленных совещаний нельзя было принимать мир, который во многих пунктах ущемляет города»⁴⁰, инициировав отказ от возмещения затрат ливонцев. На Любекском ганзетаге 1517 г. прозвучало много голосов против восстановления новгородской конторы⁴¹, но ратманам Ревеля и Дерпта удалось переломить ситуацию⁴².

³⁴ HR 3. Bd 5. № 53; Bd 6. № 196. § 104, 105.

³⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 293–337; Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League... P. 108–121, 163–186.

³⁶ «мир [1514 г.] был заключен по воле Любека, вендских городов и всей Ганзы, и поэтому расходы на него должны быть возмещены» (HR 3. Bd 6. № 703). Также: HR 3. Bd 7. № 157. § 17.

³⁷ Jahnke C. Pfundzollrechnungen im Ostseeraum. Bestand und Fragen der Auswertung // Die preußischen Hansestädte und ihre Stellung im Nord- und Ostseeraum. Toruń, 1998. S. 153–170.

³⁸ HR 3. Bd 6. № 586.

³⁹ HR 3. Bd 6. № 586.

⁴⁰ HR 3. Bd 7. № 39. § 153.

⁴¹ HR 3. Bd 7. № 39. § 155.

⁴² HR 3. Bd 7. № 54. — В начале 1520-х гг., когда встал вопрос о продлении купеческого мира усилиями ливонских городов, те потребовали, чтобы соответствующее указание Любек и прочие «заморские» города оформили письменно (HR 3. Bd 8. № 202. § 7).

Выплаты ревельцам «по их расходам на общие нужды, которые те хотели погасить в счет пунтцолля», к 1519 г. произвели, но сильно урезали⁴³. Возможно, имело место вольное обращение ревельцев с предоставленной привилегией. В выступлении ратманов Данцига на ганзетаге 1518 г. в Любеке, например, прозвучало требование, чтобы пунтцолль в Ревеле расходовался только на покрытие затрат на восстановление новгородской конторы⁴⁴. Не исключено, что со злоупотреблениями была связана миссия секретаря Любека Пауля фон Фельде, который проверял расход пунтцолля в Ревеле, считал его неподобающим и, к великому неудовольствию ревельского магистрата, обратился к магистру Плетгенбергу⁴⁵. В 1524 г. ревельцы вновь хлопотали о праве пользоваться пунтцолем для организации посольства в Москву, но в Любеке им предложили изыскать средства путем обложения товаров на Немецком подворье⁴⁶. В этой связи стоит заметить, что сетования на бедность Немецкого подворья в ревельской корреспонденции указанного периода лишены серьезного обоснования⁴⁷, зато соотносятся с фискальными интересами Ревеля, нуждавшегося в отчислениях от пунтцолля, в объяснении неисполнения своих долговых обязательств перед Дерптом⁴⁸ и, возможно, своего отказа от обложения товаров в Новгороде.

Таким образом, существует настоятельная потребность атрибутировать состояние Немецкого подворья после 1514 г. в обход ревельского дискурса. В плане терминологическом обращает на себя внимание, что в описаниях бед подворья понятие *gebreke* («болезнь», «обременение», «конфликт», «проблема», «непорядок») встречается чаще, чем *ungang*, «упадок». Упоминания о царившем на подворье беспорядке в ревельской корреспонденции встречаются часто, но упор сделан на два прецедента, касающихся служебных злоупотреблений хофескнехтов Тидемана Грелле (Гезелле) и Йоахима (Йохена) Вармбеке в 1518–1519 гг.⁴⁹ В обоих случаях присутствуют негативные оценки администрации подворья, назначенной в Дерпте,

---

⁴³ HR 3. Bd 7. № 157. § 17.

⁴⁴ HR 3. Bd 7. № 113. § 47.

⁴⁵ В письме от 8 августа 1519 г., адресованном в Любек, магистрат Ревеля заявил о нарушении Фельде ганзейских установок и тяжелых последствиях его поступка, поскольку ливонский магистр, узнав о введении пунтцолля в его владениях, считал это покушением на свои прерогативы (HR 3. Bd 7. № 223).

⁴⁶ HR 3. Bd 8. № 895.

⁴⁷ В начале 1518 г. хофескнехт Хартвиг Маршеде сообщал в Дерпт, что Немецкое подворье готово принять сорок купцов (*Hildebrand H. Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv...* № 515. Sp. 361). Основной проблемой его восстановления было возведение свода церкви св. Петра (HR 3. Bd 6. № 601, 603) из дефицитного привозного кирпича (HR 3. Bd 6. № 609). Тема ветхости церкви не раз возникала в период споров Ревеля с Дерптом за право назначать хофескнехта в 1518–1521 гг. (HR 3. Bd 7. № 71, 184, 371). На ганзетаге 1521 г. ганзейские представители констатировали, что «господа Ревеля улучшили и отстроили новгородское подворье», и собирались поручить Дерпту проследить, «чтобы помещения и стены не обваливались на радость русским» (HR 3. Bd 7. № 413. § 209, 228 ab).

⁴⁸ Дерпт жаловался по этому поводу в 1521 (HR 3. Bd 7. № 370. § 11), 1523 (HR 3. Bd 8. № 513), 1524 (HR 3. Bd 8. № 898), 1533 (HR 4. Bd 1. № 157. § 20), 1537 гг. (HR 4. Bd 2. № 683).

⁴⁹ Грелле был замешан в незаконной торговле (HR 3. Bd 7. № 372, № 413. § 210; Bd 8. № 202. § 2, 3), а Вармбеке — в скандальной попытке вывоза в Ливонию жены новгородского попа (HR 3. Bd 7. № 184).

что обретает смысл ввиду намерения «господ» Ревеля перенять у дерптцев право назначения хофескнехта. В 1519 г. на совещаниях представителей ливонских городов в Вольмаре (Валмиере)⁵⁰ и Риге «господа Дерпта много спорили с господами Ревеля по поводу конторы», но решили признать назначение администрации подворья за Дерптом при решающем голосе вендских городов⁵¹. Делая упор на некомпетентность назначаемой Дерптом администрации, ревельцы в своих описаниях беспорядков на подворье вряд ли объективны, поскольку большая часть подобных инцидентов являлась следствием преобладания на новгородском подворье молодежи. В посланиях Ревеля эта тема развития не получила, хотя, вероятно, была широко отображена в письмах дерптцев. Именно дерптцы в 1521 г. вынесли этот вопрос на широкое обсуждение и потребовали строго наказывать молодых людей в Новгороде за своеволие, «чтоб те знали, что могут потерять жизнь и товары, поскольку из-за того, что они дерутся с русскими, рубятся и колотятся, может возникнуть большой раздор»⁵². В целом Дерпт к началу 1530-х гг. потерял интерес к Новгороду⁵³ и стал утверждаться на Немецком подворье в Пскове⁵⁴.

Второй аспект «непорядка» в Новгороде восходил к расхождениям восприятий «старины» ганзейской и русской сторонами. Ганзейцы ожидали сохранения ее традиционных положений и при согласовании условий мира 1514 г. настаивали на возврате имущества ганзейских купцов, конфискованного в 1494 г., их послов в Москве сочли «неразумными людьми» (*nene vornufftige lude*), не понимавшими, «что раз император всех русских сказал, то по-другому и быть не может»⁵⁵. Еще более точную формулировку этой истины привел наместник Ивангорода И. Н. Бутурлин: «Воля великого князя сама по себе содержит старину»⁵⁶. Русская (вернее, московитская) интерпретация «старины» в ее державном восприятии не гарантировала исполнения достигнутых договоренностей⁵⁷ и, что особенно беспокоило ревельцев, понижала заинтересованность в новгородской конторе у «заморских» городов⁵⁸.

На ганзетагах 1517–1518 гг. ревельцы укрепились во мнении, что в перемирии с русскими, «которое мы заключили по распоряжению городов посредством больших трудов и денежных расходов во благо всех купцов», вендские города особо

⁵⁰ HR 3. Bd 7. № 187. § 30.

⁵¹ HR 3. Bd 7. № 157. § 49.

⁵² HR 3. Bd 7. № 370. — На ганзетаге 1521 г. бургомистр Любека заметил, что «в новгородской конторе, некогда пребывавшей в большой чести и процветании, молодые служащие (*junge knechte*) повредили основы торговли», и предостерег от повторения подобного в Антверпене (HR 3. Bd 7. № 413. § 207). См.: Бессуднова М. Б. Досуг ганзейских купцов в Великом Новгороде // Новгородика–2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Великий Новгород, 2018. С. 265–269.

⁵³ HR 4. Bd 2. № 527. § 6.

⁵⁴ На ландтаге 1532 г. было отмечено, что «господа» Дерпта поддержали инициативу некоторых купцов по основанию Немецкого подворья в Пскове (HR 4. Bd 1. № 56. § 27).

⁵⁵ HR 3. Bd 5. № 541. § 42.

⁵⁶ HR 3. Bd 6. № 604.

⁵⁷ «Некогда новгородцы имели обыкновение купцов защищать, теперь же, когда они под рукой великого князя, купцы испытывают большую угрозу для своих жизней и товаров» (HR 3. Bd 7. № 413. § 208).

⁵⁸ «Мы опасаемся, — писали ревельцы в Любек в 1516 г., — что великий князь наконец поймет неуважительное отношение к своему миру у вашего почтенства и прочих вендских городов и, возможно, будет окончательно раздражен в отношении немцев и городов» (HR 3. Bd 6. № 705).

не нуждались⁵⁹, и потому для привлечения их внимания к проблемам Немецкого подворья использовали общеганзейскую установку на сохранение контор⁶⁰, особенно конторы в Брюгге, главного ганзейского стапеля. В 1517 г. они заявили, что подворье «много лет сохранялось в качестве одной из четырех ганзейских контор, благодаря которой премного благоденствовали конторы в Брюгге и Лондоне»⁶¹, ввиду чего недопустимым рисовался ее переход к конкурентам — представителям южно-немецкого торгового капитала из дома Фугтеров⁶² и датчанам⁶³, а также ее перенос из Новгорода. Высказанная в 1521 г. идея перенесения конторы в Дерпт или Нарву породила шквал контраргументов⁶⁴: в случае переноса конторы ни один корабль не придет в Ригу и Ревель (§ 209); новгородская контора уникальна, поскольку имела школу, где детей учили грамматике (§ 210); в Новгород прибывает множество «чужих наций», с намерением прибрать контору к своим рукам (§ 210); молодые приказчики изучают на подворье меха (*pelterie*), чтобы потом использовать приобретенный опыт в Брюгге и Англии (§ 215) и др. В этих репликах ошутим голос ревельцев, что подтверждает строка рецесса: «Господа из Ревеля очень настаивали на сохранении конторы в Новгороде» (§ 228 d).

В 1521–1525 гг. в связи с проблемой продления торгового мира с Россией тема перехода новгородской конторы к «чужим нациям» или к «ненемецкой нации» широко муссировалась в ревельской корреспонденции⁶⁵. «Господа» Ревеля просили Любек оказать помощь в сохранении новгородского подворья в виду того, что наряду с датским послом в Москве находятся несколько генуэзцев с папскими посланиями, которые хлопочут о передаче им Немецкого подворья при том, что Фугтеры задумали «переместить контору со всеми русскими купеческими товарами из России в Копенгаген, откуда должно будет следовать лишь на Антверпен, по поводу чего господа Антверпена уже сговорились с императором и Фугтерами, что, в первую очередь, нам, а также балтийским [вендским] городам грозит сокращением прибылей и упадком»⁶⁶. Документация торгового дома Фугтеров подтверждает их стремление утвердиться на балтийском рынке⁶⁷, но вот вероятность их проникновения на Немецкое подворье не вполне ясна. В Любеке этого не особо боялись: «Южные немцы настроены утвердиться в конторе, но ливонские города их туда не допустят»⁶⁸.

---

⁵⁹ HR 3. Bd 7. № 58.

⁶⁰ О сохранении контор говорилось на ганзетагах 1518 (HR 3. Bd 7. № 56. § 2), 1519 (HR 3. Bd 7. № 197. § 42) и 1521 гг. (HR 3. Bd 7. № 413. § 51).

⁶¹ HR 3. Bd 7. № 9. § 3.

⁶² HR 3. Bd 6. № 705, № 706. § 7, 8; Bd 7. № 54.

⁶³ Ревельцы информировали вендские города о датском после Давиде, который добивался у великого князя передачи датским купцам Немецкого и Готского подворий в Новгороде, а также торгового двора в Ивангороде (HR 3. Bd 6. № 705; Bd 7. № 38. § 244, № 54, 58; Bd 8. № 127), что соответствовало слухам о намерении датского короля основать стапель в Копенгагене (HR 3. Bd 7. № 38. § 244).

⁶⁴ HR 3. Bd 7. № 413.

⁶⁵ HR 3. Bd 5. № 470; Bd 7. № 39, 58; Bd 8. № 21. § 2, 94, 127, 201, 203, 467, 516; Bd 9. № 137, 588.

⁶⁶ HR 3. Bd 8. № 94. Также: HR 3. Bd 8. № 467. § 25.

⁶⁷ *Häberlein M. Die Fugger: Konkurrenten der Hanse im Ostseeraum? // Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert. Trier, 2016. S. 49–66.*

⁶⁸ Из рецесса ганзетага 1530 г. (HR 3. Bd 9. № 588. § 248).

Проблема Немецкого подворья к концу 1520-х гг. стараниями ливонских городов, главным образом, Ревеля, была включена в круг наиболее актуальных задач, касающихся противодействия Ганзы ее наиболее сильным конкурентам. Ливонские ганзейцы намеревались сохранить за собой монополию на торговое посредничество в экономических связях Запада и России, причем данная задача коррелируется в их представлениях с перспективой выхода на западноевропейский рынок русского купечества. На ганзетаге 1518 г. ревельцы заявили, что в случае ухода ганзейцев из Новгорода русские скоро найдут им замену среди «чужих наций»⁶⁹, тогда как в рецессах 1525 г. упор сделан на скором появлении русских купцов в ганзейских городах, против чего высказались ливонские города⁷⁰. Данциг при поддержке Риги предложил направить русских купцов через польские земли, где их дальнейшая *passagia* на запад будет остановлена⁷¹; его намерение направить русские экспортные потоки в обход Ливонии проявилось также в требовании ограничить русскую торговлю в ливонских городах⁷².

В отечественной историографии тема препятствий, чинимых ганзейскими городами русскому торговому капиталу, представлена широко⁷³, хотя реплики на сей счет в ганзейской документации всегда возникали ситуативно. На ганзетагах 1518 и 1525 гг. они соседствовали с пассажами о «чужих нациях» и были привязаны к теме Немецкого подворья, поскольку скепсис значительной части ганзейских городов, решавших его судьбу, трудно было преодолеть ссылкой на его значение для ливонского экономического процветания, но в роли институции, ограничившей русское предпринимательство новгородской «площадкой» и Ливонией, оно было куда полезней. Творцы этого дискурса, возникшего, возможно, под впечатлением от тезы о «русской угрозе», стараниями Ливонского ордена уже распространившейся в ганзейских городах⁷⁴, хотели запугать «заморскую» Ганзу не фактом подключения русских к европейской торговле, благо те уже в ней участвовали, а их стилем вести торговые дела, представленном на новгородском примере.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что реальное состояние Немецкого подворья в течение двух десятилетий после его восстановления в 1514 г. не вполне соответствует его историографическому образу, созданному на основе ревельского освидетельствования. Нельзя не признать присутствия в нем ряда проблемных моментов, обусловленных повсеместным изменением ганзейской «мира-экономики» начала Нового времени, в частности, развития торгового кооперирования с предоставлением исполнительских функций приказчикам-гезеллен, что сопровождалось омоложением ганзейской общины Новгорода и негативно отразилось на традиционном новгородско-ганзейском укладе («старине»). Немалая доля напряженности была вызвана утратой «правом купцов» своей изначальной автономии в ходе огосударствления международной торговли, которое в Новгороде ввиду различия западноевропейских

---

⁶⁹ HR 3. Bd 7. № 58. § 3.

⁷⁰ HR 3. Bd 9. № 131. § 35–39.

⁷¹ HR 3. Bd 9. № 131. § 38–39.

⁷² HR 3. Bd 9. № 132. § 41.

⁷³ См.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения...

⁷⁴ Бессуднова М. Б. «Русская угроза» в ливонской орденской документации 80-х и начала 90-х годов XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. Вып. 1. С. 144–156.

и русских административно-правовых традиций воспринималось ганзейцами особо болезненно. С другой стороны, многие из вышеназванных реалий в рамках ревельского дискурса, широко представленного в ганзейской документации, обрели смысловое искажение, даже утрированность, в духе торговой стратегии Ревеля. Статус «новгородского стапеля» позволял ему при поддержке Любека и прочих вендских городов получить источники финансирования нужд Немецкого подворья, в частности, за счет пунтцолля, и для достижения этой цели городской магистрат активно эксплуатировал в своей корреспонденции темы упадка новгородской конторы, вероятности ее перехода к «чужим нациям» и русской торговой экспансии.

Одновременно «стапельная» торговля в Новгороде менялась в сторону ее закрепления за Ревелем, в то время как участие в ней Дерпта постепенно ограничивалось. В отношении ревельцев к Немецкому подворью, включающем формирование его фактурного, но в чем-то искусственного образа, эвентуально обнаруживается их стремление использовать потенциал подворья только для себя, что дает основание видеть в этом один из вариантов «гостевой политики» с характерной доминантой городского интереса в ущерб общеганзейским. Ревель начал проводить ее не с конца 30-х гг. XVI в., как полагает Э. Тиберг⁷⁵, а много раньше. Политику отторжения других ганзейцев от участия в торговле на Немецком подворье, особо заметную в отношениях «господ» Ревеля с Данцигом и Дерптом, они не распространяли на Любек. Еще в 1514 г. имела место установка, что «он является главой Ганзы и его [граждане] имеют большую часть в новгородской торговле»⁷⁶. Видимо, по этой причине Любек неизменно стоял на стороне ревельских инициатив по сохранению подворья в Новгороде.

Причины упорных попыток Ревеля сохранить новгородское Немецкое подворье и закрепиться на нем в качестве полноправного хозяина еще предстоит изучать, хотя уже сейчас есть основания видеть в них результат распространения в новгородско-ганзейском деловом общении кредитных операций, его своеобразной «монетизации», когда за формальным соблюдением требования торговать «товар против товара» скрывалось использование ганзейцами серебра в качестве платежного средства, и превращения Новгорода в «денежное место» (Geldstelle), обязательный элемент ганзейской кредитной системы⁷⁷.

Информация о статье

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».

Автор: Бессуднова, Марина Борисовна — доктор исторических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия, Researcher ID A-9259-2016, Scopus ID 56292134100, SPIN-код 4121-7323, e-mail: magistrmb@gmail.com

Заголовок: Новгородская контора Ганзы в контексте торговой стратегии Ревеля первой трети XVI в.

Резюме: Историографический образ новгородской конторы Ганзы (Немецкого подворья) после его восстановления в 1514 г. с описаниями его упадка реконструирован, в основном, на основе свидетельств граждан Ревеля, заинтересованных в его сохранении. Этот искусно сконструированный ревельский дискурс, с одной стороны, объективен и отражает некоторые кризисные моменты,

⁷⁵ *Tiberg E.* Moskau, Livland und Hanse 1487 bis 1547 // HGBll. 1975. Bd 93. S. 50–51, 68.

⁷⁶ HR 3. Bd 6. № 585. § 27.

⁷⁷ *North M.* Kreditinstrumente in Westeuropa und im Hanseraum // *Kopet uns werk by tyden: Beiträge zur hansischen und preussischen Geschichte.* Schwerin, 1999. S. 43–46.

обусловленные осложнением новгородско-ганзейских отношений в результате, во-первых, упадка дисциплины обитателей Немецкого подворья, среди которых стала преобладать молодежь, и, во-вторых, расхождениями в понимании правовых основ русско-ганзейской торговли, «старинны», русской и ганзейской стороной в условиях огосударствления международной торговли в России. Вместе с тем, многие исторические реалии в рамках ревельского восприятия искажены в угоду торговой стратегии Ревеля. Таковы темы бедности подворья, возможности его перехода к «чужим нациям» и эскалации русской торговой экспансии в Западной Европе, которые были использованы в ревельской корреспонденции для обеспечения помощи со стороны Любека и вендских городов в деле восстановления и содержания Немецкого подворья. Особое значение имела финансовая поддержка в форме отчислений от «фунтовой пошлины», пунтцолля. Описания беспорядков на Немецком подворье в ревельском изложении должны были создать у вендских городов представление о несостоятельности его администрации, назначаемой Дерптом, и помочь Ревелю взять управление подворьем в свои руки. Ревель также старался не допустить к Немецкому подворью Данциг и другие города Королевской Пруссии. В результате проводимой им политики «стапельная» торговля в Новгороде постепенно замыкалась на Ревеле при участии Любека, который неизменно поддерживал идею сохранения новгородской конторы на ганзетагах. Стремление Ревеля усилить свои позиции в Новгороде, предположительно, было связано с распространением в новгородско-ганзейской торговле кредитных операций, ее своеобразной «монетизацией», связанной с использованием серебра как платежного средства, и превращение Новгорода в пункт сосредоточения серебряного запаса (Geldstelle).

Ключевые слова: Ганза, новгородская контора Ганзы, Немецкое подворье, русско-ганзейская торговля, Ревель, Любек, Новгород

Литература, использованная в статье:

Бессуднова, Марина Борисовна. Досуг ганзейских купцов в Великом Новгороде // Новгородика–2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность / Ред. С. А. Коварская [и др.]. Великий Новгород: НовГУ, 2018. С. 265–269.

Бессуднова, Марина Борисовна. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016. 453 с.

Казакова, Наталья Александровна. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Ленинград: Наука, 1975. 359 с.

Рыбина, Елена Александровна. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. Москва: Московский государственный университет, 1986. 176 с.

Рыбина, Елена Александровна. Новгород и Ганза. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Bearb. v. L. Arbusow. Riga: J. Dobner, 1910. Abt. 3. 1000 s.
Angermann, Norbert. Deutsche Kaufleute in Novgorod im 16. und 17. Jahrhundert // Novgorod – Markt und Kontor der Hanse / Hg. v. N. Angermann [u. a.]. Köln: Böhlau, 2002. S. 97–115.

Angermann, Norbert. Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft // Hansische Geschichtsblätter. 1995. Bd 113. S. 119–121.

Angermann, Norbert. Zu den rechtlichen Grundlagen des Hansehandels in Pleskau // Recht und Alltag im Hanseraum. Gerhard Theuerkauf zum 60. Geburtstag / Hg. v. S. Urbanski [u. a.]. Lüneburg: Dt. Salzmuseum, 1993. S. 17–30.

Angermann, Norbert; Endeil, Ulrike. Die Partnerschaft mit der Hanse // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.–17. Jahrhundert / Hg. v. D. Herrmann. München: Wilhelm Fink Verlag, 1989. S. 83–115.

Flöttemann, Andreas. Der revaler Rußhandel von 1509 bis 1558 // Deutschland-Livland-Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / Hg. v. N. Angermann. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. S. 111–136.

Häberlein, Mark. Die Fugger: Konkurrenten der Hanse im Ostseeraum? // Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert / Hg. v. R. Hammel-Kiesow [u. a.]. Trier: Porta Alba Verlag, 2016. S. 49–66.

Hanserecense. Die Recesse und andere Akten der Hansetage / Bearb. v. D. Schäfer [u. a.]. Abt. 3. München [u. a.]: Dunker & Humblot Verlag, 1894–1913. Bd 5–9.

Hanserecense. Die Recesse und andere Akten der Hansetage / Bearb. v. G. Wentz. Abt. 4. Bd 1. Weimar: Hermann Böhnlaus Nachfolger Verlag, 1941. 474 s.

Hanserecense. Die Recesse und andere Akten der Hansetage / Bearb. v. K. Friedland und G. Wentz. Abt. 4. Bd 2. Köln [u. a.]: Böhlau, 1970. 640 s.

Hildebrand, Hermann. Bericht über die im Revalschen Rathssarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // *Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie des sciences*. SPb., 1865. Vol. 4. S. 716–802.

Jahnke, Carsten. Die Hanse. Überlegungen zur Entwicklung des Hansebegriffes und der Hanse als Institution resp. Organisation // *Hansischer Geschichtsblätter*. 2013. Bd 131. S. 27–28.

Jahnke, Carsten. Pfundzollrechnungen im Ostseeraum. Bestand und Fragen der Auswertung // *Die preußischen Hansestädte und ihre Stellung im Nord- und Ostseeraum* / Hg. v. H. Z. Nowak [u. a.]. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. S. 153–170.

North, Michael. Kreditinstrumente in Westeuropa und im Hanseraum // *Kopet uns werk by tyden: Beiträge zur hansischen und preussischen Geschichte* / Hg. v. N. Jörn [u. a.]. Schwerin: Thomas Helms Verlag, 1999. S. 43–46.

Puhle, Matthias. Organisationsmerkmale der Hanse // *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos*. Bd 1 / Hg. v. J. Bracker [u. a.]. 4. Aufl. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2006. S. 196–201.

Selzer, Stefan. Zweifache Wachstumschancen: Hansische Ökonomie im 16. Jahrhundert und ihre Erforschung // *Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert*. Trier: Porta Alba Verlag, 2016. S. 1–10.

Tiberg, Erik. Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487–1550. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1995. 290 p.

Tiberg, Erik. Moskau, Livland und Hanse 1487 bis 1547 // *Hansische Geschichtsblätter*. 1975. Bd 93. S. 13–70.

Information about the article

The research was support by Russian Science Foundation, project Nr. 19-18-00183 «Economic, political and socio-cultural communications of Russia and the Baltic Area in the 15–17th centuries based on archival collections of Tallinn, Lbeck, Berlin and St. Petersburg».

Author: Bessudnova, Marina Borisovna — Doctor in History, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Researcher ID A-9259-2016, Scopus ID 56292134100, SPIN-код 4121-7323, e-mai: magistrmb@gmail.com

Title: The Novgorod Kontor of Hanse in the context of the Revel's trading strategy of the first third of the 16th century

Abstract: The historiographic image of Novgorod Hanseatic Kontor (German Yard) after its restoration in 1514 with descriptions of his decline was reconstructed mainly according to the testimony of the citizens of Revel aimed at preserving it. On the one hand, his skillfully designed Revel's discourse is objective because it reflects some crisis moments caused by the complication of Novgorod-Hanseatic business relations as a result of, firstly, the decline in discipline of the inhabitants of the German Yard, among which young people began to prevail, and, secondly, of differences in understanding of legal foundations of the Russo-Hanseatic trade, «antiquity» («starina») by the Russian and Hanseatic sides in conditions of politicization of international trade in Russia. On the other hand, many historical realities in the framework of the revelation perception are distorted in favor of Revel's trading strategy. These are the themes of the poverty of the Yard, the possibility of its transition to «alien nations» and the escalation of Russian trade expansion in Western Europe. Its were used by the Revalers to provide assistance to Lübeck and to other Vendish towns in restoring and maintaining the German Yard. Of particular importance was financial support in the form of deductions from the «pound duty», puntzoll. The revelation descriptions of the riots on the German Yard were to create an idea among the Vendish towns of the insolvency of his administration, appointed by Dorpat, and help Revel take control of the compound in his hands. Revel also tried to prevent Danzig and other towns of Royal Prussia from accessing the German Yard. As a result of his policy, slipway trade in Novgorod gradually closed on Reval with the participation of Lübeck, who invariably supported the idea of preserving the Novgorod Hanseatic Kontor on the *Hansetagen*. Revel's desire to strengthen its position in Novgorod, presumably, was associated with the spread of credit operations in the Novgorod-Hanseatic trade, its kind of «monetization» associated with using of silver as a means of payment, and the transformation of Novgorod into a silver concentration center (*Geldstelle*).

Keywords: Hanse, Novgorod Hanseatic Kontor, German Yard, Russo-Hanseatic relations, Reval, Lübeck, Novgorod

References:

Angermann, Norbert. Deutsche Kaufleute in Novgorod im 16. und 17. Jahrhundert, in Angermann, Norbert et al. (eds). *Novgorod — Markt und Kontor der Hanse*. Köln: Böhlau Publ., 2002. Pp. 97–115. (in German). Angermann, Norbert. Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft, in *Hansische Geschichtsblätter*. 1995. Bd 113. Pp. 119–121. (in German).

- Angermann, Norbert. Zu den rechtlichen Grundlagen des Hansehandels in Pleskau, in Urbanski, Silke et al. (eds). *Recht und Alltag im Hanseraum. Gerhard Theuerkauf zum 60. Geburtstag*. Lüneburg: Dt. Salzmuseum Publ., 1993. Pp. 17–30. (in German).
- Angermann, Norbert; Endeil, Ulrike. Die Partnerschaft mit der Hanse, in Herrmann, Dagmar (ed.) *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.–17. Jahrhundert*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1989. Pp. 83–115. (in German).
- Arbusow, Leonid (ed.). *Akten und Rezesse der livländischen Ständetage*. Riga: J. Dobner Publ., 1910. Abt. 3. 1000 p. (in German).
- Bessudnova, Marina Borisovna. Dosug ganzeyskikh kuptsov v Velikom Novgorode [Leisure of Hanseatic merchants in Novgorod-the-Great], in Kovarskaya, Svetlana Aleksandrovna et al. (eds). *Novgorodika–2018. Povsednevnyaya zhizn' novgorodtsev: istoriya i sovremenost'*. Velikiy Novgorod: NovSU Press, 2018. Pp. 265–269. (in Russian).
- Bessudnova, Marina Borisovna. *Spetsifika i dinamika razvitiya russko-livonskikh protivorechiy v posledney treti XV veka [The specificity and the dynamic of the development of Russo-Livonian contradictions in the last third of the 15th century]*. Voronezh: Nauchnaya kniga Publ., 2016. 453 p. (in Russian).
- Flöttmann, Andreas. Der revaler Rußhandel von 1509 bis 1558, in Angermann, Norbert (ed.). *Deutschland-Livland-Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg*. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. Pp. 111–136. (in German).
- Friedland, Klaus; Wentz, Gottfried (eds). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 4. Bd 2. Köln [u. a.]: Böhlau Publ., 1970. 640 p. (in German).
- Häberlein, Mark. Die Fugger: Konkurrenten der Hanse im Ostseeraum?, in Hammel-Kiesow, Rolf et al. (eds.). *Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert*. Trier: Porta Alba Verlag, 2016. Pp. 49–66. (in German).
- Hildebrand, Hermann. Bericht über die im Revalschen Rathsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen, in *Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie des sciences*. SPb., 1865. Vol. 4. Pp. 716–802. (in German).
- Jahnke, Carsten. Die Hanse. Überlegungen zur Entwicklung des Hansebegriffes und der Hanse als Institution resp. Organisation, in *Hansischer Geschichtsblätter*. 2013. Bd 131. Pp. 27–28. (in German).
- Jahnke, Carsten. Pfundzollrechnungen im Ostseeraum. Bestand und Fragen der Auswertung, in Nowak, Zenon Hubert et al. (eds). *Die preußischen Hansestädte und ihre Stellung im Nord- und Ostseeraum*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika Press, 1998. Pp. 153–170. (in German).
- Kazakova, Natalya Aleksandrovna. *Russko-livonskie i russko-ganzeyskie otnosheniya. Konets XIV – nachalo XVI v. [Russo-Livonian and Russo-Hanseatic relations. The end of 14th – the beginning of 16th century]*. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 359 p. (in Russian).
- North, Michael. Kreditinstrumente in Westeuropa und im Hanseraum, in Jörn, Nils et al. (eds). *Kopet uns verk by tyden: Beiträge zur hansischen und preussischen Geschichte*. Schwerin: Thomas Helms Verlag, 1999. Pp. 43–46. (in German).
- Puhle, Matthias. Organisationsmerkmale der Hanse, in Bracker, Jürgen et al. (eds). *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos*. Bd 1. 4. Aufl. Lübeck: Schmidt-Römhild Publ., 2006. Pp. 196–201. (in German).
- Rybina, Elena Aleksandrovna. *Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv. [Foreign Yards in Novgorod of the 12th–17th centuries]*. Moscow: Moscow State University Press, 1986. 176 p. (in Russian).
- Rybina, Elena Aleksandrovna. *Novgorod i Ganza [Novgorod and the Hanse]*. Moscow: «Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi» Publ., 2009. 320 p. (in German).
- Selzer, Stefan. Zweifache Wachstumschancen: Hansische Ökonomie im 16. Jahrhundert und ihre Erforschung, in *Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert*. Trier: Porta Alba Verlag, 2016. Pp. 1–10. (in German).
- Schäfer, Dietrich et al. (eds). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. München [u. a.]: Dunker & Humblot Verlag, 1894–1913. Bd 5–9. (in German).
- Tiberg, Erik. *Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487–1550*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International Publ., 1995. 290 p.
- Tiberg, Erik. Moskau, Livland und Hanse 1487 bis 1547, in *Hansische Geschichtsblätter*. 1975. Bd 93. Pp. 13–70. (in German).
- Wentz, Gottfried (ed.). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 4. Bd 1. Weimar: Hermann Böhmlaus Nachfolger Verlag, 1941. 474 p. (in German).